

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

«ОБОСТРЕННОЕ ЧУВСТВО ЖИЗНИ...»: А.Т. ТВАРДОВСКИЙ И И.А. БУНИН О ВЕЧНЫХ ПРОБЛЕМАХ БЫТИЯ

С.Р. Туманова

Кафедра русского языка
Медицинский факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье впервые рассматриваются особенности воплощения темы жизни и смерти в творчестве А.Т. Твардовского и И.А. Бунина, анализируются те основы миропонимания двух поэтов, которые сближают их в главной проблеме — смысле человеческого бытия.

Ключевые слова: жизнь, смерть, правда, психологизм, память, одиночество, природа, счастье.

«Дорогой Николай Дмитриевич, — писал Бунин Телешову из Парижа, — только что прочитал книгу А. Твардовского («Василий Теркин») и не могу удержаться — прошу тебя, если ты знаком и встречаешься с ним, передать ему при случае, что я (читатель, как ты знаешь, придирчивый, требовательный) совершенно восхищен его талантом, — это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова. Возможно, что он останется автором только одной такой книги, начнет повторяться, писать хуже, но даже и это можно будет простить ему за «Теркина» [1. С. 3—4].

Широко известен этот восторженный отзыв Бунина о «Василии Теркине», известно и не один раз высказанное Твардовским сожаление о том, что он не ответил Бунину: «Он мне словно с того света прислал привет, — говорил Александр Трифонович, — а я по какой-то непостижимой причине словом ему в ответ не обмолвился», — вспоминал А.И. Кондратович слова Твардовского в книге «Ровесник любому поколению» [2. С. 244]. Это упущение Твардовский восполнил тем, что посвятил Бунину одну из самых своих значительных и объемных критических работ — статью «О Бунине», написанную в 1965 г. В «Рабочих тетрадях» Твардовского мы находим россыпи прямых и косвенных высказываний о творчестве и личности Бунина.

Что же лежит в основе притяжения этих звеньев одной цепи — писателей и мыслителей, творчество которых столь во многом определяет развитие русской классической литературы XIX—XX вв.?

«Создание интегрального образа повышенной жизни — доминанта всего творчества Бунина, — утверждает Ольга Сливичкая, — его сверхзадача, его высший и сокровенный смысл» [3. С. 10]. Для Твардовского жизнь — в центре внимания, а его художественная задача — «петь жизнь». Однако ценность жизни определяется только на фоне смерти. Твардовский в своей работе о Бунине приводит цитату из «Жизни Арсеньева»: «Люди совсем не одинаково чувствительны к смерти, — говорит Бунин в «Жизни Арсеньева». — Есть люди, что весь век живут под ее знаком, с младенчества имеют обостренное чувство смерти (чаще всего в силу столь же обостренного чувства жизни)... Вот к подобным людям принадлежу и я» [4. Т. 5. С. 73]. К ним принадлежит и Твардовский. И хотя не во всем можно согласиться с ним в оценке Бунина, мы видим, как он постепенно, исподволь приходит к главной мысли в отношении него: «Но ясное и мужественное сознание пределов, которых не миновать, вместе с жизнелюбием и любовью к людям, чувство ответственности перед обществом и судом собственной совести за все, что делаешь и должен еще успеть сделать на этом свете, — позиция более достойная, чем самообман и бездумная трата скупое отпущенного на все про все времени» [4. Т. 5. С. 76—77].

Бунина и Твардовского сближает и то, что они никогда не принадлежали ни к одной из многочисленных литературных школ XX в. Однако Твардовский всегда открыто признавал влияние Бунина: «В моей собственной работе я многим обязан И.А. Бунину, который был одним из самых сильных увлечений моей юности» [4. Т. 5. С. 59].

Как и Бунин, Твардовский не создавал своей собственной философии и не высказывал предпочтений какой-либо философской системе. Гораздо важнее то, что он, как и Бунин, следовал правде жизни. «О внимании к точности и достоверности изображения свидетельствуют многие высказывания и самого писателя, — пишет о Бунине Р.С. Спивак. — Однако эта особенность мировосприятия Бунина органически сочеталась с повышенной чуткостью к самым общим вопросам жизни и смерти, с тенденцией осмысления мира бесконечных явлений в ключе немногих сущностных начал бытия» [5. С. 92]. Главным для Твардовского становится истина или правда, которой он поклонялся и за которую боролся всю жизнь: «да была б она погуще, как бы ни была горька».

Кое-что в оценке Твардовским Бунина можно отнести на счет интуиции художника. Кондратович пишет о том, что «Твардовский, создавая портрет Бунина-художника, видимо сам того не сознавая, пишет как бы и свой автопортрет» [2. С. 249].

Твардовский ощущал, даже, скорее, подсознательно, родство с Буниным именно в чувстве времени, в отношении к памяти, к воспоминаниям и в «повышенном чувстве жизни». «Сквозная проблема — соотношение жизни и смерти» [5. С. 95] в творчестве Бунина оказывается таковой и для Твардовского. Истоки этого можно найти в общности эпизодов их биографий.

В жизни и Твардовского, и Бунина были смерти, сыгравшие определенную роль. У Бунина это смерть маленькой сестры Саши, история которой воссоздана в книге «Жизнь Арсеньева» в сцене смерти Нади. Этот эпизод в книге, главный мотив которой «роль впечатлений о смерти в истории становления личности» [3. С. 97], близок двум эпизодам в воспоминаниях Твардовского: о смерти деда Гордея и смерти маленького сына Саши.

Смерть деда Гордея была первой осознанной смертью в жизни Твардовского, увиденной, по его словам, в четырехлетнем возрасте.

«Я видел смерть, и доля смерти той // Мне на душу мою ребячью пала» [4. Т. 3. С. 66], — напишет он через много лет в 1951 г., во второй половине жизни в знаменитом стихотворении «Мне памятно, как умирал мой дед». О важности этого события говорит и то, что в плане «Автобиографии» за 1914—1917 гг. в первой строке он записывает: «Смерть деда». Но воспоминания были столь сильными и, видимо, важными, что Твардовский через четыре года после написания стихотворения вновь возвращается к ним в своих «Рабочих тетрадях» и записывает все подробности этого столь значительного для потрясенной души маленького мальчика события: «Смерть деда произошла буквально на моих глазах, я помню ее до подробностей, хотя было мне тогда не больше четырех лет» [6. С. 163].

Бунин в «Жизни Арсеньева», рассказывая о впечатлениях мальчика от смерти сестры Нади, обнаруживает свое отношение к смерти. Для него смерть другого человека открывает знание собственной смертности. «Я вдруг понял, что и я смертен, что и со мной каждую минуту может случиться то дикое, ужасное, что случилось с Надей...» [7. Т. 5. С. 59].

Твардовский с не меньшей глубиной и психологизмом передает свои детские чувства: «Помню, что меня все это занимало и глубоко подавляло и утрашало. Понятие об ужасном и неизбежном для всех людей, а значит, и для меня конце просто наполняло меня всего, когда я, отрываясь от той картины, припадал к разостланной на большом „полу“ или каком-то полке над ним, вровень с печкой, овчинной шубе и думал, думал: что же это такое, как все это ужасно. (Первые попавшиеся слова.)» [6. С. 163].

У обоих писателей на первом месте чувство страха от осознания собственной смертности.

Твардовский не случайно указывает в скобках, что это «первые попавшиеся слова», т.е. идущие не из сознания, а от сердца. Этим он подчеркивает, что слова точно передают его чувства, возникшие в столь далеком детстве. Героя Бунина увиденная смерть «надолго лишила чувства жизни». Твардовского это «подавляло и утрашало».

Первое детское потрясение выливается у Бунина в эпизод в романе «Жизнь Арсеньева», а у Твардовского — в стихотворение «Мне памятно, как умирал мой дед» и запись в «Рабочих тетрадях». Пройдя через это первое испытание, оба писателя стараются найти выход, ищут поддержку и в религии. Твардовский переживает желание «посвятить себя Богу», Бунин — желание «быть некогда сопричастным к лику мучеников» [7. Т. 5. С. 60]. Однако ни тот ни другой не находят в этом успокоения.

Исследователь творчества Бунина Юрий Мальцев при постановке проблемы памяти в творчестве писателя говорит о присущем характеру героев Бунина «чувстве включенности человека в цепь поколений и его неотделимости от целого» [8. С. 9] как об основополагающем моменте. Твардовский в статье «О Бунине» отмечает, что «поэзии Бунина в высшей степени присуще постоянное стремление найти в мире „сочетанье прекрасного и вечного“, обрести желанную непреходящую, укрепиться хотя бы в чувстве вселенского и, так сказать, всевременного единства жизни, слиться с этим единством, раствориться в круговороте природы, в смене бесконечной чреды веков.

Пройдет моя весна, и этот день пройдет,
Но весело бродить и знать, что все проходит,
Меж тем как счастье жить вовеки не умрет...

В напряженном самовнушении этого чувства слиянности отдельного, личного существования с „вечностью“ и „бесконечностью“ поэт обращается к образам древности, видит свое „я“ обогащенным тысячелетиями, сохранившими на слое пыли в древнеегипетской гробнице следы человеческой ноги...» [4. Т. 5. С. 73—74]. Но разве не эта же мысль выражена самим Твардовским в стихотворении «Горные тропы», написанном пятью годами раньше рассматриваемой статьи, в котором есть и обращение к древности: «Тысячелетья успели // В эти улечься пласты», и высказанная прямо идея преемственности поколений: «Знай и в работе примерной: // Как бы ты ни был хорош, // Ты по дороге не первый // И не последний идешь» [4. Т. 3. С. 139].

У Твардовского нет столь откровенных и разносторонних рассуждений о глубинных процессах психики, как у Бунина, но его мысли о времени, о памяти, о роли и месте в мире каждого человека поражают глубиной и близостью к аналогичным идеям великих предшественников. Роднит их и чувство одиночества, которое появляется и у Бунина, и у Твардовского уже в очень раннем возрасте. Это «одиночество, так сказать, — пишет Мальцев в своей книге о Бунине, — онтологическое, экзистенциальное, одиночество как неизбежное, непреодолимое и неустрашимое ни при каких условиях состояние человеческой души... Это чувство одиночества будет сопровождать его всю жизнь, иногда усиливаясь, иногда ослабевая, но, никогда не исчезая совсем» [8. С. 31].

Концепция одиночества, которая, по словам В. Заманской, является «основой», «базовой» для формирования экзистенциального сознания», у Твардовского присутствует в его внутреннем сознании и выражается во многих произведениях. И всегда мотив одиночества соединяется у него с мотивом смерти. «Проклятое одиночество, — пишет он в дневнике 5 апреля все того же 1927 г. — Оно заставляет меня мысленно вымерять жизнь. 25—30—38 лет — все, ожидать нечего» [9. С. 300]. «И живу и не живу, — продолжает он 4 мая. — Деревца садить не могу — кому?» [9. С. 301]. Он не разрешает себе «грустить, «меланхоличить». «Теперь, — пишет он, — это делают только праздные, ленивые или еще какие-то» [9. С. 301]. И если эти мысли можно отнести частично на счет юношеского максимализма, то более глубокие переживания заставляют его выплеснуть свои чувства в строки об одиночестве в стихотворении о перевозчике: «Ни внуков, ни своей избы, // Сиди в землянке как в колодце. // И — старость... Скоро, может быть, // Его никто не дозвется» [4. Т. 1. С. 38].

Для Твардовского трагизм смерти не столько в физическом умирании, сколько в одиночестве человека перед лицом смерти. Об этом будут написаны пронзительные строчки в дневнике 1938 г. о смерти маленького сына Саши. Смерть сына стала еще ужаснее потому, что он оказался один без родителей в момент смерти. Несколько раз повторяется в записях слово «один»: «оставили мальчика одного...», «нас ужаснуло, что он в больнице один, маленький...». «Все, сынок... — сказал я, — и мы поспешили к машине, а мальчик наш остался один» и созвучное ему слово «покинутый»: «Взглянули еще раз на него, как он лежит, бедный, обиженный, покинутый мальчик с цветком в руках (он очень любил цветочки — особенно любил одуванчики) и закрыли» [10. С. 47].

Соединяя образ смерти с образом одиночества, Твардовский создаст стихотворение «Две строчки», ставшее одним из шедевров лирики XX в. Сливаясь со своим героем, поэт переживает его смерть как свою собственную. В словах «мертвый», «одинокий» выражаются все те же мысли о жизни и смерти, которые волновали его с юности: «Как будто мертвый, одинокий, // Как будто это я лежу, // Примерзший, маленький, убитый // На той войне незначимой, // Забытый, маленький лежу» [4. Т. 2. С. 121].

Признавая, что «смерть — это личное дело, то, с чем нужно встретиться в одиночку», как писал он в 1934 г., Твардовский ищет и находит свой выход из неизбежности «горького конца жизни»: «Я полагаю, что и мой уход, // Назначенный на завтра или на старость, // Живых друзей участие призовет — // И я один со смертью не останусь» [4. Т. 3. С. 67].

«Обостренное чувство жизни» у обоих писателей проявляется и в отношении к природе. Бунин говорил о своем знании природы: «Уже по одному тому, как высока крапива, мог бы я безошибочно определить, какое сейчас время лета. А кроме того, сколько едва уловимых, но мне столь знакомых, родных с детства, совсем особых запахов, присущих только рабочей поре, косьбе, ржаным копнам!» [8. С. 28]. О Твардовском писал его друг, художник Орест Верейский: «Для него природа была родным домом. Он относился к ней уважительно, похозяйски... Он знал народные приметы и верил им. И если он говорил, что первый снег непременно растает, потому что лег на мягкую, не схваченную морозом землю, что весна нынче будет ранняя или лето дождливое, что гроза пройдет стороной, — мы знали, что так и будет» [11. С. 166]. «В природе, — вспоминал о Твардовском Владимир Лакшин, — он хотел все знать в лицо — каждую птицу, каждое дерево... Да не то что в лесу — на городском бульваре мог остановиться внезапно, как вкопанный, середь дороги, неожиданно прервав разговор, и разглядывать необычной формы листья, почки, побеги» [12. С. 178].

Бунинское стихотворение «И цветы, и шмели...» и стихотворение Твардовского «Жить бы мне век соловьем-одиночкой» являют собой проникновение в тайны природы, которое дает ощущение полноты жизни и противостоит смерти. Они не могли и не хотели понять тех писателей, которые писали о природе отстраненно, не называя трав и деревьев, о которых они говорили. «А.Т. сердился, когда в описаниях природы автор ограничивался общим определением: дерево, птица, цветы. „Для меня это улика. Дерево — так скажи какое: ель, береза, осина? Пти-

ца — так дятел это, дрозд или синица?“ „Разнотравье“, которым отделяются многие деревенские пейзажисты, было одним из самых скомпрометированных для Твардовского слов» [12. С. 179]. Поэтому живут в его поэзии иван-чай, клевер дикий, пырей, горошек, березы и сосны, и поэт не может отказаться от «иной — хоть ничтожной — травинки».

Важнейший элемент художественного мира Бунина — память — также составляет основу миропонимания Твардовского. «Я люблю бывшее вспоминать» — пишет Бунин в 18 лет, «Я помню осиновый хутор // И детство — разбегом коня...», — пишет Твардовский в 17 лет. «Как неправы те, кто считают скорбь о былом у Бунина — лишь поздней „эмигрантской“ ностальгией!» — восклицает Мальцев. То же можно сказать и о Твардовском: как неправы были те, кто в свое время обвинял его в пристрастии к «жестокой» памяти войны в стихах памяти павших, которые он писал еще долгие годы после войны. Необходимость памяти — это свойство сознания обоих писателей, помнить — значит жить, память побеждает смерть.

Желание счастья как одной из движущих сил жизни у обоих писателей оказывается в противоречии с осознанием его мимолетности. Мальцев приводит слова Толстого, сказанные Бунину: «Счастья в жизни нет, есть только зарницы его» и любимый лермонтовский стих Бунина: «И долго на свете томилась она, // Желанием чудным полна» [8. С. 49].

Твардовский вторит своим великим предшественникам: «Подумать — как мало минут неверного и обманчивого счастья, как вся, в сущности, жизнь проходит в ощущении себя бессильным, жалким, недовольным собой до тошноты. И из этого что-то получается» [6. С. 190].

Эта же мысль о жестокости ситуации смерти высказана Твардовским в стихотворении «Мне памятно, как умирал мой дед»: «И вот он умер, и в гробу своем, // Накрытом крышкой, унесен куда-то, // И нет его, а мы себе живем» [4. Т. 3. С. 66].

Антиномичность человеческой души, которая явно выражена у Бунина (у него «сладостна безнадежность», «отчаяние укрепляет меня», «сладостная смерть») свойственна и Твардовскому. Вот что он пишет в октябре 1959 г.: «После обычного уныния (не долгого и не глубокого на этот раз) настроение доброе, живу всем телом и духом, все так хорошо, и немного доволен собой, что, как всегда, тревожно. А уж это значит хорошо, если только и остается, что всегдашняя мысль о смерти, — ведь эта мысль только и сопутствует состоянию внешнего удовлетворения и подъема, когда остается вспомнить, что и этому всему свой срок» [13. С. 160]. Эта мысль реализована в стихотворении «Не знаю, как бы я любил»:

Не знаю, как бы я любил
Весь этот мир, бегущий мимо,
Когда б не убыль прежних сил,
Не счет годов необратимый [4. Т. 3. С. 97].

Твардовский писал статью о Бунине в тяжелый период своей жизни. 1965 г. был годом подведения итогов десятилетней деятельности «Нового мира» и все усиливавшихся гонений на журнал, это был и год смерти матери Твардовского. Его записи в «Рабочих тетрадях» поражают мужеством и силой жизни и пониманием своего предназначения, и глубиной страдания.

Потрясает запись, сделанная 18 января 1965 г.: «Понедельник — день, когда предположительно должно быть известно, что со статьей, с ж[урналом], со мной и др...

Все нависло — должно рухнуть в том или ином смысле. — Читаю Бунина» [14. С. 133].

Большинство заметок Твардовского и важнейшие мысли в статье о Бунине связаны с темой жизни и смерти. Многие они могут сказать нам и об отношении Твардовского к Бунину, и об общности взглядов писателей. Многие можем понять мы благодаря этой переключке великих умов, переключке эпох, переключке человеческих душ. Философские проблемы бытия объединяют разных и по времени, и по творческим задачам художников, делая их собеседниками и единомышленниками. Ведь не случайно Твардовский сказал: «Мы слышим в вечности друг друга // И различаем голоса».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Цит. по: *Кондратович А.И.* Александр Твардовский. Поэзия и личность. — М., 1978.
- [2] *Кондратович А.И.* «Ровесник любому поколению»: Документальная повесть. — М., 1984.
- [3] *Сливицкая О.В.* «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. — М., 2004.
- [4] *Твардовский А.Т.* О Бунине // Собр. соч.: В 6 т. — М., 1976—83 (Далее цит. по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы).
- [5] *Спивак Р.С.* Русская философская лирика. 1910 годы. И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский. — М., 2003.
- [6] *Твардовский А.Т.* Из рабочих тетрадей (1953—1960) // Знамя. — 1989. — № 7.
- [7] *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева // Собр. соч. в 8 т. — М., 1993—2000 (Далее цит. по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы).
- [8] *Мальцев Ю.В.* Иван Бунин. 1870—1953. — Посев, 1994.
- [9] *Твардовский А.Т.* На пути к «Стране Муравий» (Рабочие тетради поэта). Из истории советской литературы 1920—1930-х годов. — М., 1983.
- [10] *Твардовская М.И.* Колодня // Воспоминания об А.Т. Твардовском. — М., 1978.
- [11] *Верейский О.* К двум портретам // Воспоминания об А.Т. Твардовском. — М., 1978.
- [12] *Лакишин В.Я.* Открытая дверь: Воспоминания и портреты. — М., 1989.
- [13] *Твардовский А.Т.* Из рабочих тетрадей (1953—1960) // Знамя. — 1989. — № 9.
- [14] *Твардовский А.Т.* Рабочие тетради 60-х // Знамя. — 2001. — № 12.

«HEIGHTENED SENSE OF LIFE...»: A.T. TVARDOVSKY AND I.A. BUNIN ABOUT ETERNAL PROBLEMS OF EXISTENCE

S.R. Tumanova

The Department of Russian language
Medical faculty

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article discusses specific points of view of A.T. Tvardovsky and I.A. Bunin on matters of life and death, analyzes the main aspects of their world outlook, which unites them in understanding the meaning of human existence.

Key words: life, death, truth, psychological analysis, memory, solitude, nature, happiness.